

МАГИЧЕСКИЙ СДВИГ В ЛУКОМОРЬЕ

自然和諧

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВЕРА ВОНГ

18+

18+

Вера Вонг

Магический сдвиг Лукоморье

<https://litres.ru/74387168>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лебедева — убежденная реалистка, будущий финансовый гений и человек, который считает любовь неудачной инвестицией с низкой ликвидностью. Но когда её жизнь превращается в таблицу Excel без формул, а сама она чуть не погибает от скуки, судьба подкидывает ей сделку века. Спасенная из ванной русалкой-блогером, Татьяна попадает в современное Лукоморье. Здесь Кот Ученый торгует NFT, Леший практикует фэн-шуй, а магический баланс острова рушится из-за того, что Царевна-Лебедь отказывается готовить борщ Царю Гвидону. Чтобы вернуться домой, Татьяне нужно сделать невозможное: провести аудит чувств царской четы, подружиться с Бабой Ягой и заставить сурового лейтенанта улыбнуться. Вот только расчеты показывают, что самый ценный актив Лукоморья — это наглый принц Саня, отпускать которого категорически невыгодно. Финансовый триллер в декорациях сказки или сказка о том, как дебет наконец сошелся с кредитом?

Содержит нецензурную брань поэтому 18+

Содержание

Глава 1. Реалистка и белка	4
Глава 2. Первое знакомство с Лукоморьем	19
Глава 3. Леший и китайская мудрость	41
Глава 4. Русалка-блогер	62
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Вера Вонг

Магический сдвиг Лукоморье

Глава 1. Реалистка и белка

Татьяна презирала розовый цвет, сахарную вату, открытки с котятками и любую литературу, где на обложке брутальный эльф прижимал к своему каменному прессу трепещущую деву в корсете. Это было идеологической позицией, выстраданной годами жизни в мире, который требовал от тебя быть либо циничной акулой бизнеса, либо инфантильной принцессой в ожидании чуда. Татьяна выбрала первое.

Она сидела за столиком уличного кафе на Патриарших прудах, методично пролистывая презентацию своего будущего стартапа. План назывался «ФинСтарт: Ликбез для миллениалов» и обещал принести ей первый миллион еще до защиты диплома экономического факультета МГУ. На ней был безупречно скроенный брючный костюм цвета слоновой кости — никаких легкомысленных платьев. Её длинные светлые волосы были стянуты в тугую, гладкий пучок, открывая

изящную шею и высокие скулы. Голубые глаза смотрели на мир холодно и оценивающе, как сканер штрих-кодов.

За соседним столиком щебетали две её однокурсницы. — А он мне пишет: «Ты мой личный сорт героина», представляешь? — томно вздыхала одна, поправляя локоны. — Я рыдала полночи! Это так глубоко! — Главное, чтобы у него замок был не ниже облаков, а конь — породистый, — фыркнула вторая. — Танюш, а ты чего молчишь? Слышала, Димка из параллельной группы тебе предложение делал?

Татьяна даже не подняла головы от планшета. Она лишь чуть заметно поморщилась, словно от зубной боли. — Дима предлагает ипотеку в Мытищах и кота по имени Барсик, — ровным голосом ответила она, отправляя инвестору правки по пункту о налогообложении. — В мои KPI на ближайшие пять лет это не входит. Любовь — это просто сбой гормонального фона, девочки. Самый успешный маркетинговый ход человечества после религии. Пока вы ждете своих драконов, я куплю собственный остров. — Какая же ты сухарь, Тань, — обиженно протянула первая. — Вот встретишь однажды своего человека, и вся твоя экономическая теория рухнет. — Мой человек носит часы Patek Philippe и имеет долю в IT-секторе, — отрезала Татьяна, закрывая приложение мессенджера. — Всё остальное — лирика для бедных.

Она расплатилась по счету картой лимитированной серии, закинула на плечо сумку от Prada и уверенным шагом двинулась в сторону метро. Пятница, семь вечера. У неё впереди два часа работы над финансовой моделью, протеиновый коктейль и восемь часов сна. Идеально сбалансированная жизнь.

Путь её лежал через старый сквер, заросший разлапистыми липами и клёнами. Место тихое, почти мистическое в вечернем полумраке, идеальное место, чтобы отсечь шум большого города перед погружением в цифры. Татьяна ускорила шаг. Ей всегда было немного не по себе среди старых деревьев; они напоминали декорации дешевых исторических фильмов.

И тут прямо перед её носом, бесшумно спланировав с ветки, приземлилось нечто.

Это была белка. Но если бы кто-то сказал Татьяне, что белки бывают такими, она бы вызвала санитаров. Во-первых, размером зверек превосходил среднюю кошку породы мейн-кун. Во-вторых, его шерсть не имела ничего общего с обычным рыжим или серым мехом. Она переливалась жидким червонным золотом, вспыхивая в свете редких фонарей ослепительными бликами. Глаза у белки были умные, черные, похожие на агаты, и смотрели с такой вселенской хит-

ростью, что Татьяне стало не по себе.

Но самым диким был третий факт. Белка держала в передних лапах крупный предмет, который при ближайшем рассмотрении оказался цельным золотым орехом. Зверь деловито поворачивал его, примеряясь острыми резцами.

Реальность Татьяны дала первую трещину. Размером с канализационный люк. «Так, — пронеслось у нее в голове быстрее любого процессора. — Вариант один: синтетические наркотики в латте. Кофе нынче бодяжат всем подряд. Вариант два: тепловой удар. Вариант три: очень качественная голограмма. Рекламная кампания нового парка развлечений?»

Она сделала осторожный шаг назад. Ноги казались ватными, но мозг уже включил режим аварийного протоколирования рисков. Оценить угрозу. Найти пути отхода. Вызвать службу безопасности.

Белка прекратила грызть орех. Она посмотрела на Татьяну в упор, моргнула пушистыми золотыми ресницами и совершенно человеческим жестом почесала задней лапой за ухом. Затем сунула золотой самородок под мышку, спрыгнула с дорожки на траву и уставилась на девушку выжидающе.

— Кыш, — неуверенно сказала Татьяна. Голос прозвучал хрипло. — Пошла вон, грызунов не кормлю. И вообще, у меня аллергия на шерсть.

Белка закатила свои агатовые глаза. По-человечески тяжело вздохнула. А затем открыла пасть и заговорила. Голос у неё был высокий, мелодичный, с легким присвистом, какой бывает у людей со вставной челюстью, но слова она чеканила четко: — Не свисти, касатка. Аллергия у неё. Ты сначала ауру свою посмотри, а потом диагнозы ставь. От твоей ауры фонит, как от старого микроволнового передатчика. Весь баланс мне портишь.

Татьяна моргнула. Раз. Второй. Третий. Она ущипнула себя за запястье. Больно. До синевы. Белка никуда не исчезла. Она продолжала сидеть на задних лапках, придерживая золотой орех, и смотрела на студентку с нескрываемым осуждением.

— Логика подсказывает, — медленно начала Татьяна, чувствуя, как леденеют кончики пальцев, — что я либо сошла с ума, либо стала жертвой масштабного социального эксперимента. Второе вероятнее. Кто заказчик? Департамент культуры? Вы бюджет осваиваете? — Бюджет мы твой сейчас освоим, — проворчала белка, снова берясь за орех. Зубы её щелкнули, высекая сноп настоящих золотых искр.

— Сидит она тут, понимаешь, реалистка. Бизнес-леди будущая. Ни любви, ни веры, сплошной дебет с кредитом. А Лукоморье меж тем штормит. — Что... что такое Лукоморье? — выдохнула Татьяна, отступая еще на шаг и упираясь спиной в шершавый ствол дуба. Дуб был старым, узловатым, и сквозь его кору, как показалось девушке, едва заметно пульсировал тусклый зеленый свет. — То самое, — белка кивнула огромной головой на дерево. — Дуб этот. Цепь золотая. Кот ученый, чтоб его шерстинка повылазила, опять валерьянки облопался и спит вторые сутки, сказки транслировать некому. А сдвиг пошел знатный. Пространство морщится. Еще пара дней, и вместо твоего Экономического корпуса бассейн с живой водой образуется. Декан твой всплывет кверху пупом, будешь знать.

Татьяна закрыла лицо руками. Это было слишком. Золотые искры пахли озоном и медом. Сквозь пальцы она простонала: — Уйди. Просто уйди. Я дойду до аптеки, выпью снотворного, и завтра у меня будет защита курсовой по венчурным инвестициям. Никаких говорящих белок. Никаких дубов. Это нездоровая фигня.

Белка вдруг перестала грызть. Она метнула золотой орех в кусты (оттуда раздался глухой звон, будто упал кусок рельса), пружинисто подпрыгнула и оказалась прямо перед лицом Татьяны. Расстояние сократилось до десятка сантиметров.

ров. Агатовые глаза зверя оказались огромными, затягивающими.

— Фигня, значит? — прошипела белка, и изо рта её пахнуло морозом зимней тайги. — Инвестиции? А хочешь посмотреть, во что твои инвестиции превратятся, когда магический резонанс совпадет с фазой луны? Твой стартап, деточка, накроется медным тазом вместе с биржей. Потому что там, где начинается сказка, заканчиваются законы рынка. Там другие правила. Древние. И им плевать на твой Patek Philippe.

Она схватила Татьяну за лацкан дорогого пиджака крошечными, но невероятно сильными когтистыми лапками.

— Пусти, сумасшедшая тварь! — вскрикнула Татьяна, пытаясь отбиться, но тело отказывалось слушаться. По рукам пробежали колючие мурашки, кожу начало покалывать миллионами иголок, словно она отсидела всё тело сразу.

— Сама напросилась, реалистка, — оскалилась белка. — Полежай в источник. Проветришься. Может, хоть лешему своим экономическим анализом мозги вправишь, а то он совсем нюх потерял, фен-шуем увлекся, балансу от этого никакого.

Земля под ногами Татьяны внезапно потеряла плотность. Мраморная плитка тротуара пошла рябью, как вода от брошенного камня. Зеленоватое свечение от коры дуба усилилось, превратившись в слепящий поток. Девушка почувствовала, как её желудок совершает мертвую петлю, а внутренности устремляются куда-то вверх, к горлу. Последним, что она увидела в реальном мире, были огни проезжающей машины, которые вытянулись в бесконечные белые нити, и испуганное лицо старушки с пуделем, которая крестилась, глядя на растворяющуюся в воздухе девушку в брендовом костюме.

Пространство схлопнулось с влажным чавкающим звуком.

Приземление оказалось на удивление мягким. Никакого удара, только упругая отдача, словно она прыгнула на профессиональный спортивный мат. Пахло мокрой хвоей, прелыми листьями, грибами и чем-то сладковато-дымным, как от костра из яблони.

Татьяна села, ошалело мотая головой. Костюм был цел, прическа растрепалась лишь слегка — пучок достойно выдержал пространственный переход. Она находилась на круглой лесной поляне, залитой странным, жемчужным светом, хотя на небе, видневшемся в просветах крон, сгущались самые обычные вечерние сумерки.

Вокруг поляны плотной стеной стояли вековые ели. Под ногами вместо земли был пружинящий ковер из изумрудного мха, в котором росли грибы со шляпками размером с автомобильный диск. Каждый гриб мерцал изнутри собственным биолюминесцентным светом.

Прямо перед ней, подбоченившись, стояла та самая белка. Только теперь она была ростом с хорошую овчарку. Золотая шерсть лоснилась, а в лапах снова материализовался тот самый неразгрызанный орех.

— Добро пожаловать в филиал, — деловито сообщила белка. — Таможню проходить не надо, валюта у нас своя, энергетическая. Меня зовут Марфуша, я здесь менеджер по привлечению физических лиц. — Где я? — просипела Татьяна. Горло пересохло. Страх почему-то отступил, уступив место звенящему, аналитическому недоумению. Это было новое чувство, похожее на исследование непрофильного актива. Мозгу срочно нужны были вводные данные. — Лукоморье. Островная автономия, — отчеканила Марфуша. — Свободная экономическая зона аномального типа. Приграничная территория между Навью и Явью. Налоговая ставка нулевая, зато откаты берем натурой. — Какой еще Навью? — Татьяна встала на ноги, отряхнула колени. Коленки дрожали, но голос звучал ровно. Профессиональная деформация бра-

ла свое: панику нужно упаковать в сарказм. — Вы сектанты? Ролевики? Где скрытые камеры? Я вас засужу за незаконное перемещение частной собственности, то есть меня. — Ой, дура, — цокнула языком белка и закатила глаза так сильно, что чуть не опрокинулась на спину. — Камеры у неё. Тут техника выше кремния не работает, микросхемы выгорают к чертовой бабушке. Магия тут, ясно? Чистая, концентрированная. И она сбоит.

Марфуша обошла Татьяну кругом, придиричиво её разглядывая. — Ну и кандидатура, конечно... Небось, мясо ешь? И красители химические глотаешь? Ауродушу свою консервантами забила. — Стейк прожарки *medium rare* — основа здорового питания, — автоматически парировала Татьяна. — Так, дама с хвостом. Хватит ходить вокруг. Говори толком, зачем я здесь. Если это похищение с целью выкупа, то вы ошиблись адресом, моя семья живет скромно. Если вам нужна рабыня... — Спаситель ты нам нужен, горе луковое! — взвизгнула белка, топнув пушистой лапкой. Из-под мха вылетел сноп синих искр. — Сказано же русским языком: десбаланс! Дисбаланс, по-вашему! Накопительный эффект столетий! Остров трясет, границы истончаются, скоро сюда попрет всякий фольклорный сброд из соседних измерений, а у нас дядька Черномор на пенсию собрался! Преемственность власти под угрозой! Регламент престолонаследия нарушен!

Она остановилась, перевела дух и добавила уже тише, почти жалобно: — Мне план по заманиванию смертных выполнять надо. Квота горит. А кого заманивать? Василис Премудрых пруд пруди, они сами сюда телепортируются резюме рассылать. Иванушек-дурачков тоже хватает, пока до острова долетит — весь интеллект по дороге растеряет. А мне нужен чистый лист. Человек без веры. Тот, кто на эту магию смотреть будет трезвым бухгалтерским глазом. Чтобы причину найти, а не сопли на кулак мотать.

Из-за ближайшей ели, тяжело ступая и хрустя сушняком, вышла новая фигура. Татьяна инстинктивно напряглась, принимая защитную стойку.

Существо походило на человека, одетого в кучу старой одежды, но одежда эта жила своей жизнью: кафтан из прошлогодней листвы шевелился, сапоги из коры пускали свежие зеленые ростки, а борода состояла из спутанного паутины и седого мха. Лицо у существа было сморщенное, как печеная картошка, а глаза горели двумя угольками. В руках оно сжимало смартфон последней модели, обернутый в лопух.

— О, привели, — басом сказало существо, не отрывая взгляда от экрана. — Ставки на Купалу принимаете? Коэффициент на Жар-птицу неоправданно завышен, аналитики

ваши в Шанхае ничему не учились. — Леший Акакий Петрович, — представила белка, — наш министр природных ресурсов и логистики. Поставил всё княжество на китайского дракона в третьем заезде, проигрывает вторую неделю, нервный стал. — Тенденции мирового беттинга игнорировать нельзя, — важно заметил Леший, наконец поднимая взгляд на Татьяну. — День добрый, барышня. Капитализация вашего присутствия какова? Надеюсь, вы не веган? Лес от ваших высокочастотных вибраций сохнет.

Татьяна смотрела на них троих — на гигантскую золотую белку, на лесовика со смартфоном и на сияющие синим грибы — и впервые в жизни ее хваленый рациональный аппарат дал системный сбой. Процессор перегрузился. Дебет не сошелся с кредитом.

Она упала обратно на мягкий мох и расхохоталась. Громко, истерично, запрокинув голову. Смех рвался из нее наружу, вымывая остатки цивилизованности. Она смеялась над собой, над своим костюмом, над бизнес-планом, над ипотекой в Мытищах и над всей своей правильной, расписанной по минутам жизнью.

Леший неодобрительно пожевал губами и вернулся к смартфону. Белка Марфуша терпеливо дождалась, пока истерика перейдет в редкие всхлипы, подошла к Татьяне и тре-

бловательно дернула её за штанину дорогого пиджака.

— Посмеялась над министром? — сурово спросила бел-ка. — Хорошо. Юмор продлевает срок службы печени. А те-перь, реалистка, слушай боевую задачу. Времени на адапта-цию нет. Через сорок восемь часов грянет Великий Шторм. Границы падут. Нам нужен аудит причин. А причина, зуб даю, сидит где-то в высшем руководстве. Так что бери себя в руки, подтягивай свои экономические знания. Будешь моим внештатным кризис-менеджером. Оклад — спасение мира плюс полный пансион. Трудовую книжку заводить будем?

Татьяна вытерла выступившие от смеха слезы тыльной стороной ладони. Она посмотрела на свои ухоженные ног-ти, потом на золотые зубы белки Марфуши, потом на экран смартфона Лешего, где мигал график падения акций како-го-то водяного царя.

Девушка глубоко вдохнула запах волшебного леса. Пани-ка ушла окончательно. Остался холодный азарт исследовате-ля.

— Значит, так, — произнесла она, и в её голубых глазах зажегся знакомый деловой огонь. — Первое: мне нужна база данных всех резидентов острова. Второе: отчет о движении магической энергии за последний квартал. Третье: доступ к

объекту, который вызывает наибольшие колебания фона. И четвертое... — она строго посмотрела на Лешего. — Объясните мне механику ваших ставок. Кажется, ваш коэффициент на дракона действительно занижен из-за инсайдерской информации о подтасовке чешуи. Если поможем друг другу, Акакий Петрович, мы удвоим вашу ликвидность к утру.

Леший медленно опустил смартфон. Его угольные глаза расширились до размеров чайных блюдеч. Он посмотрел на белку. — Марфа, — прохрипел он благоговейно. — Ты где взяла этого монстра? Она же страшнее налоговой инспекции. Я влюбился.

Белка гордо расправила плечи, подобрала свой золотой орех и кивнула в сторону тропинки, уходящей вглубь светящегося леса.

— Шагай, аудитор, — сказала Марфуша. — Дуб направо, царский терем налево. И постарайся не наступить на Печаль-реку, она сегодня меланхоличная, затянуть может. Да, и совет бесплатный: любовь в квартальные отчеты не впишешь. Но без неё активы обесцениваются. Запиши в блокнот, бизнесменша.

Татьяна ничего не записала. Она лишь поправила съехавший набок пучок, одернула пиджак и уверенно шагнула в

мерцающую полутьму Лукоморья навстречу первому в своей жизни фактору, который невозможно было рассчитать формулой. Внутри неё, там, где раньше жил только сухой расчет, неприятно и сладко одновременно защемило. Впервые за двадцать лет ей было по-настоящему интересно, чем закончится этот финансовый год.

Глава 2. Первое знакомство с Лукоморьем

Пространство схлопнулось не с хлопком, как любят описывать в бульварном фэнтези, а с тихим, влажным звуком «плюк», словно кто-то выключил звук у огромного аквариума. Татьяна инстинктивно зажмурилась, ожидая удара о камни, падения с высоты или хотя бы ледяного душа. Вместо этого её встретила упругая, пружинящая мягкость.

Она открыла глаза.

Первым делом в нос ударил запах. Это был не привычный коктейль из выхлопных газов, духов случайных прохожих и разогретого асфальта Патриарших прудов. Воздух здесь был густым, сладковатым и тяжелым. Пахло озоном после грозы, липовым медом, мокрой древесиной вековых дубов и чем-то неуловимо съедобным — жареной курицей? Нет, скорее, печеными яблоками с корицей. Желудок Татьяны, привыкший к строгому расписанию (протеиновый смузи в девять, салат с киноа в два), предательски заурчал. Она плотнее сжала губы. Физиология — это просто реакция на новые химические раздражители. Ничего личного.

Вторым открытием стал свет. В Москве сейчас сгущались сумерки, зажигались фонари, превращая город в серую акварель. Здесь же царил полдень. Солнце висело прямо над головой — идеально круглое, ослепительно желтое, похожее на нарисованное гуашью. Оно не слепило глаза, но заливало всё вокруг таким ярким, глянцевым светом, что казалось, будто мир пропустили через фильтр «High Saturation». Тени были неправдоподобно четкими, чернильно-черными и абсолютно неподвижными, даже когда ветер качал траву.

Татьяна села. Под ней оказался мох. Но какой! Он пружинил под ладонями, как лучший ортопедический матрас, и переливался всеми оттенками изумруда. Каждый ворсинка мха заканчивалась крошечной капелькой росы, которая работала как линза, преломляя солнечный свет в миниатюрные радуги. Девушка машинально потянулась коснуться одной такой капли, но одернула руку. Гигиена. Бактериальный фон неизвестен.

— Руки убери от казенного имущества, — раздался над ухом знакомый писклявый голос. — На мне план по амортизации горит, а она тут тактильный контакт налаживает.

Марфуша сидела на ветке ближайшего дуба, который выглядел так, словно его рисовал художник-сюрреалист: ствол

закручивался спиралью, уходящей в облака, а листья имели форму золотых монет разного номинала. Белка уже доедала свой золотой орех, ловко удерживая его тремя пальцами передней лапы. Скорлупа падала вниз со звоном настоящих дукатов.

— Где мы? — сухо спросила Татьяна, поднимаясь на ноги и брезгливо отряхивая ладони. Её костюм цвета слоновой кости покрылся зелеными ворсинками мха. Брюки безнадежно помялись. Первый пункт бизнес-плана дня — выглядеть презентабельно — провалился. — И где мои права человека? — Ты свои права вместе с пенсионными накоплениями в московском МФЦ оставила, — белка спрыгнула на землю. Теперь, без эффекта внезапности, Татьяна могла оценить масштаб катастрофы: Марфуша была размером с хорошую собаку породы сенбернар, только гораздо пушистее и наглее. — Мы в Центральной рекреационной зоне острова Буян. Сублокация «Дуб-великан», кадастровый номер ноль-ноль-семь-тильда-запятая. А прав у тебя пока нет. Есть обязанности. Временный контракт внештатного аудитора аномалий. Ознакомься.

Белка щелкнула когтями. Прямо из воздуха перед лицом Татьяны материализовался свиток плотной пожелтевшей бумаги, перевязанный бечевкой и запечатанный сургучом, пахнущим дегтем. Девушка скептически приподняла

бровь. Сургуч в эпоху блокчейна? Какая трогательная архаика. Она протянула руку, чтобы взять документ, но свиток дернулся вверх, зависнув на уровне глаз.

— Сначала целуй печать, — потребовала белка. — Без магической привязки договор недействителен. Поцелуй должен быть искренним, иначе шрифт расплывется. — Я тебе сейчас поцелую, — процедила Татьяна. — В трудовой кодекс заглядывал хоть кто-нибудь из вас? Принуждение к труду, отсутствие техники безопасности, харассмент... — Ой, да больно надо, — фыркнула Марфуша. — Не хочешь — не целуй. Тогда остров продолжит трясти, границы Нави рухнут ровно в полночь, и к тебе в экономическую магистратуру вместо профессора статистики придет Змей Горыныч принимать экзамен по сопромату. Выбор за тобой. Только учти, он билеты знает плохо, обычно сразу огнеметом валит.

Логика дала сбой. Вероятность появления Змея Горыныча в здании МГУ стремилась к нулю. Однако вероятность того, что ее разум окончательно сдвинулся, росла в геометрической прогрессии. Татьяна вздохнула. Спорить с галлюцинацией было бесполезно, проще выполнить протокол, чтобы перейти к следующему этапу психоза. Она быстро, почти механически чмокнула сургуч. Тот мгновенно вспыхнул синим пламенем, рассыпался пеплом, а свиток упал ей в руки.

Текст был напечатан двенадцатым шрифтом Times New Roman, поля выровнены по ширине. Кто-то явно пытался адаптировать сказку под современные стандарты делопроизводства. «Контракт №404-БИС. Наниматель: Управление делами Лукоморья. Исполнитель: гражданка РФ Лебедева Татьяна Викторовна...» Фамилия была указана девичья, материнская. Откуда они?.. «Предмет договора: проведение внепланового аудита причин магического резонанса четвертой степени. Срок исполнения: 72 часа земного времени...»

— У меня защита курсовой через неделю, — буркнула Татьяна, пробегая глазами пункты об ответственности сторон. Ответственность предусматривала «превращение в пенек замшелый сроком до трех лет». — Курсовую я твою сама напишу, там работы на пятнадцать минут копипаста, — отмахнулась белка. — Подписывай внизу кровью. Капиллярной, венозная слишком жирная, пергамент промокает. — Стерильность? Дезинфекция? — поинтересовалась Татьяна. — Сказочное ОСАГО, — отрезала Марфуша. — Кусай палец и ставь автограф.

Татьяна уколола палец ногтем — коротко, профессионально, как диабетик со стажем. Поставила размашистую подпись. Свиток истлел в её руках, оставив после себя легкий запах озона и легкое жжение на подушечке пальца. Контракт вступил в силу. Пути назад не было. Или, точнее, кноп-

ка «назад» теперь стоила три года жизни в виде пенька.

— Итак, вводная, — белка почесала за ухом задней лапой. — Остров Буян держится на трех китах. Буквально. Они сейчас спят под северным рифом, храпят так, что чайкидохнут, но это детали. Главное — Магическое Ядро. Огромный кристалл чистой энергии в центре острова. Последние триста лет ядро работало стабильно. А месяц назад начало сбывать. Амплитуда колебаний растет экспоненциально. Если сегодня вечером пик напряжения совпадет с лунной фазой, защитный купол упадет. Что будет дальше — смотри пункт про Горыныча и экзамены. — Физику процесса, — потребовала Татьяна. Голос её снова звучал ровно и холодно. Паника сменилась рабочим режимом. Мозгу нужна была модель. Любая, пусть самая безумная. — Природа источника? Тип излучения? Проводимость среды? Белка посмотрела на неё с уважением, смешанным с ужасом. — Вот за это я вас, смертных рационалистов, и люблю, — пробормотала она. — Ни слез, ни романтики. Сразу дебет-кредит. Источник питается верой. Чистой, неразбавленной верой в чудо. Пушкин, когда приезжал, нам контур заземления правил своими стихами. Мощный был мужик, вольтаж выдавал колоссальный. А потом народ испортился. Стали верить в ипотеку, скидки на маркетплейсах и натальную карту. Вера стала грязной, с примесью корысти. Ядро засорилось. Нужна чистка. Промывка системы. — Мне нужно осмотреть объект, — Татьяна сде-

лала шаг вперед, хрустя золотыми скорлупками. — Показывай дорогу. И объясни структуру местного управления. Кто ЛПР? Лицо, принимающее решения? — ЛПР у нас дядька Черномор, — вздохнула белка, семена впереди. — Но он на пенсию собрался. Задрал всех своими рапортами. «Прошу уволить меня по выслуге веков... Прошу предоставить жилплощадь в субтропиках...» Старый морской волк превратился в старого морского пенсионера. А коллектив остался без руля. Там у них такая корпоративная грызня идет — любой HR-менеджер поседел бы.

Они вышли из-под сени золотого дуба на широкую грунтовую дорогу. Дорога была идеальной — утрамбованная, ровная, без единой колеи. По обочинам стояли указатели. Деревянные, резные, покрытые лаком. Надписи заставили внутренний калькулятор Татьяны выдать ошибку: «Налево пойдешь — в бухгалтерию Кошеля попадешь (прием жалоб с 9:00 до 18:00, обед плавающий)». «Направо пойдешь — жену свою найдешь (скидка на загсы для молодоженов, акция "Третий змей в подарок")». «Прямо пойдешь — премию найдешь (если Соловей-разбойник налоговую декларацию вовремя подал)».

— Это что? — Татьяна ткнула пальцем в столб. — Навигация, — пожала плечами Марфуша. — Мы же современная сказка. Оптимизация процессов. Раньше богатыри ходи-

ли, мечами махали, головы рубили. КПД низкий, травматизм высокий. Сейчас все решаем через административный ресурс. Налево — Департамент Казенной Недвижимости. Косца нашего недавно налоговая амнистия накрыла, сидит теперь, иглу перепрытывает, нервный весь.

Мимо них, тяжело переваливаясь на восьми колесах, пропыхтел огромный экипаж. Он напоминал тыкву из сказки про Золушку, которую увеличили до размеров маршрутного такси и поставили на шасси от армейского вездехода. Из трубы на крыше шел сизый дым. Экипаж остановился. Дверца открылась, и оттуда высунулась голова Ивана-дурака. Выглядел Иван вполне современно: модная эспаньолка, очки-хамелеоны и расстегнутая на груди шелковая косоворотка, демонстрирующая татуировку во всю грудь — Жарптицу, обвивающую QR-код.

— Марфа, подвезти? — развязно спросил Иван. — До Палаты Мер и Весов подброшу. Мне там коня мерять будут, говорят, налоги на лошадиные силы опять подняли. — Сама дойдет, — огрызнулась белка. — Она аудитор новый. Реалистка. Иван присвистнул, разглядывая Татьяну с ног до головы. Взгляд его задержался на её пышной груди чуть дольше приличного, но оценивал он не женские достоинства, а деловой потенциал. — Реалистка? — присвистнул он. — Редкий зверь. Слышь, реалистка, если тебе нужен откат за

закрытие акта проверки Кошечевой пещеры — обращайся. Десять процентов от спасенных активов твои. У меня выход на министра подземных коммуникаций есть. — Гражданин, — Татьяна достала из кармана пиджака воображаемую ручку (жест настолько въелся в подкорку, что она даже не заметила отсутствия самой ручки). — Представьте полностью. Занимаемая должность. Цель вашего коррупционного предложения? Иван икнул, побледнел, втянул голову обратно в кабину тыквобуса и резко захлопнул дверь. Транспорт взревел мотором и умчался вдаль, оставляя за собой запах отработанного растительного масла.

— Работает, — довольно констатировала белка. — Ладно, идем в Резиденцию. Познакомишься с местной вертикалью власти. Приготовься, мозг твой сейчас попытается совершить самоубийство.

Резиденция оказалась огромным теремом, построенным, впрочем, из современного клееного бруса, выкрашенного в веселенький небесно-голубой цвет. На коньке крыши вместо традиционного петушка вращалась спутниковая тарелка. Окна были пластиковые, двухкамерные, с москитными сетками. Перед входом красовалась табличка: «ГБУ "Управление Лукоморьем". Часы приема населения: Русалки — вторник, Водяные — четверг (по записи)».

На широком крыльце сидел кот. Тот самый, Ученый. Пушкинский. Он был огромен — размером с рысь, шерсть свалялась в сосульки, на шее болталось сломанное пенсне на цепочке. Кот меланхолично перебирал струны огромной позолоченной балалайки, подключенной толстым проводом к розетке в стене терема. Из динамиков, спрятанных под наличниками, лился унылый шансон.

— Опять Лепса крутит, — поморщилась белка. — Интеллигент, называется. Акакий Петрович ему новую прошивку обещал, с классикой, а этот саботажник настройки сбросил. Василий, хвостатый, у нас пропуск! Кот прекратил играть. Медленно повернул голову. Один глаз у него был желтым, другой — красным, диодным. — Пароль? — прохрипел он голосом пропитого диджея. — «У лукоморья дуб зеленый», — отчеканила белка. — «Златая цепь на дубе том», — кивнул кот. — Проходи. Девицу досматривать? — Зачем? — фыркнула белка. — У неё в сумке только планшет и губная помада ядовито-розового цвета. Оружием массового поражения не является, эстетическому вкусу кота вредит.

Татьяна переступила порог. Внутри пахло кондиционированным воздухом, дешевым растворимым кофе и бюрократией. Холл Резиденции выглядел точь-в-точь как районная поликлиника в час пик. Вдоль стен стояли жесткие деревянные скамьи, на которых сидели посетители.

Вот Баба-Яга в спортивном костюме фирмы Abibas заполняла бланк заявления на субсидию для ступы (вид топлива: «слезы младенцев», графа вызвала вопросы у пожилой кикиморы в окошке регистратуры). Рядом с Ягой стоял Серый Волк. Он был одет в безупречный двубортный костюм, туфли начищены до зеркального блеска, в зубах дымилась тонкая электронная сигарета. Волк разговаривал по смартфону, прижимая его плечом к уху: — ...нет, акции «Терем-Телекома» скипай. Зайди в шорт по «Наф-Наф Индастриз», там поросята опять экологические нормы нарушили, ФАС их прижмет, котировки рухнут. Да, мама, я поел... Нет, Красную Шапочку не встречал, она сегодня в другом секторе работает...

Татьяна почувствовала, как земля уходит из-под ног. Не от страха. От когнитивного диссонанса такого масштаба, что его можно измерять в тротиловом эквиваленте. Она оперлась рукой о стену. Стена была теплой и слегка вибрировала.

— Дисбаланс, говоришь? — севшим голосом произнесла она. — Кажется, у вас тут не дисбаланс. У вас тут системный кризис смыслов. Постмодернизм головного мозга. — Во-во, — подтвердила белка, толкая тяжелую дубовую дверь с надписью «Приемная. Входить без доклада, но желательно перекрестившись». — Нам именно такие мозги и нужны. Что-

бы разложить этот бардак на переменные.

За дверью оказался просторный кабинет. Дубовый стол буквой «Т». Графин с водой, в котором плавала живая золотая рыбка. Рыбка периодически подплывала к стеклу, делала круглые глаза и беззвучно открывала рот, требуя корма. На стенах висели портреты: Александр Сергеевич Пушкин (в профиль, задумчиво грызущий гусиное перо), Петр Первый (подмигивающий) и некто в буденовке, подписанный как «Лаврентий П. Берендей».

Во главе стола восседал он. Дядька Черномор.

Старые советские фильмы ввали. Голов у него было не тридцать три, а одна. Зато какая. Круглая, лысая, красная, как перезрелый помидор, с седыми бакенбардами, переходящими в окладистую бороду. Телосложением он походил на борца сумо в отпуске. На нем был парадный адмиральский китель, увешанный орденами, которые при ближайшем рассмотрении оказались значками «Почетный донор тридевятого царства» и «За взятие Избушки-на-курых-ножках».

Черномор пил чай из блюдца, шумно прихлебывая. Напротив него навтыжку стояли двое молодых людей. Между ними на столе лежала стопка папок высотой с Эйфелеву башню.

— Значит так, орлы, — басил Черномор, отставляя блюдо. — Решение принято. Я ухожу. Сил моих больше нет. Хочу домик в Сочи, пальму и кефир однопроцентный. Докладывайте обстановку. Степан, ты первый. По форме. Один из парней — широкоплечий, стриженный под ежика, с квадратной челюстью и взглядом, способным забивать гвозди — сделал шаг вперед. На нем была камуфляжная форма идеального кроя, берцы сияли, а на поясе висела кобура, из которой торчала рукоятка наградного меча-кладенца. — Господин Адмирал-Президент! — гаркнул парень так, что золотая рыбка в графине всплыла кверху брюхом. — За отчетный период личный состав проявил высокую боеготовность! Нарушений устава караульной службы не зафиксировано! Готов лично возглавить операцию по усмирению циклона над Синим морем! Имею опыт подавления восстаний кентавров! Разрешите приступить к обязанностям Верховного Правителя немедленно! — Отставить орать, — поморщился Черномор. — Садись, пять. Саня, твоя очередь. Вторым парень поднялся лениво, одним гибким движением пантеры. Он был полной противоположностью первому. Высокий, тонкий, с длинными волосами пшеничного цвета, собранными в небрежный хвост. Одет он был в белоснежную шелковую рубашку, расстегнутую на две верхние пуговицы, и брюки свободного кроя. Никакого оружия, кроме дорожной авторучки в кармане.

Взгляд у него был сонный, немного высокомерный, но когда он скользнул по Татьяне, стоящей в дверях, в голубых глазах мелькнул живой интерес. — Батя, — мягко начал он, игнорируя испепеляющий взгляд Степана. — Ну какой из меня правитель? У меня аллергия на эполеты. И вообще, я вчера русалок консультировал по вопросам инвестиций в жемчужные фермы. Рынок нестабильный, но маржа хорошая. Давай лучше Степу назначим. Он любит командовать. Ему нравится ходить строевым шагом по плацу. А я буду министром экономики. Буду сидеть в тишине, считать бюджет и пить смузи. Всем выгодно. — Смузи ему, — проворчал Черномор, глядя то на одного, то на другого. — Один хочет устроить военный коммунизм с гауптвахтой на завтрак, второй собирается превратить Лукоморье в оффшорную зону. А страдать мне. Кстати, о страданиях.

Черномор наконец заметил Татьяну. Его единственный зрячий глаз (второй был скрыт черной пиратской повязкой) округлился. — Это еще что за явление Христа народу? Почему посторонние в штабе? Марфа, я же просил приводить кандидатов на место завхоза, а не моделей с обложки Forbes Woman! — Это не модель, — вступилась белка, подталкивая Татьяну в спину. — Это наш ответ Илону Маску. Специалист по десбалансу. Татьяна Викторовна. Будет искать причину, почему у нас магия кашляет.

Черномор нахмурился. Потом медленно перевел взгляд на Степана. Затем на Саню. Губы его растянулись в понимающей улыбке. — А-а-а, — протянул он. — Так вот оно что. Старую перечницу решили обойти на повороте? Думаете, если батя влюбится в смазливую блондинку, он завещание перепишет? Саня, сынок, я понимаю, гормоны играют, но нельзя же так топорно династический брак лоббировать! — Какой брак?! — возмутился Саня, заливаясь краской. — Я её впервые вижу! Я вообще думал, это новая поставка канцелярии, вон, лицо строгое, как у дырокола! — Молчать! — рявкнул Черномор, стукнув кулаком по столу. Графин подпрыгнул, мертвая рыбка перевернулась обратно и ожила. — Развели ромашку! Любовь-морковь... Значит так, слушай мою команду. Раз эта краля утверждает, что умеет думать, пускай думает. Объявляю конкурс. Три дня. Кто найдет реальную причину, почему наше Ядро штормит, тот и садится в мое кресло. А заодно и принцем станет, потому что невеста у нас нынче дефицит, Василиса Прекрасная опять в лягушку превратилась, обиделась на что-то.

Он ткнул пальцем в Татьяну: — Ты. Аудитор. Задача ясна? — Вполне, — кивнула Татьяна. Ее аналитический ум уже выстраивал схему. Два кандидата. Конфликт интересов. Дисбаланс магии. Связь должна быть. — Мне понадобятся первичные документы. Журналы учета магических выбро-

сов за последние полгода. Штатное расписание дежурных по радуге. И доступ к серверной. Где у вас стоит главный артефакт? — Артефакт? — переспросил Черномор. — Ядро, — пояснила Татьяна. — Физический носитель. — А, шар стеклянный, — догадался Адмирал. — Стоит в тронном зале. Шар как шар, только внутри искрит часто. Марфа, отведи её туда. И выдели ей сопровождающего. Одного. Пусть сами решают, кому меньше стыдно будет с бабой по коридорам ходить.

Саня и Степан переглянулись. Это была дуэль взглядов. Битва титанов эго. Степан положил руку на рукоять меча. — Согласно инструкции о сопровождении гражданских лиц повышенной опасности, я беру ответственность на себя. У меня разряд по самбо и иммунитет к приворотным зельям. Саня поправил воротник рубашки и улыбнулся своей самой обезоруживающей улыбкой. — Степ, ну зачем девушке портить нервную систему видом огнестрельных ранений на нежити? Я культурнее проведу экскурсию. Покажу ей местный буфет, там эклеры свежие привезли. Эклеры способствуют мыслительному процессу. — Я те покажу эклеры! — взвился Степан. — Это саботаж! Расцениваю как попытку устранить конкурента через углеводное отравление! — Ти-хо! — прикрикнула белка. — Хватит шипеть, аспиды. Пойдете оба. Под двойным контролем. А то знаю я вас. Один её заговорит финансовыми пирамидами, второй — марш-брос-

ками. А работать кто будет?

Татьяна стояла посреди этого абсурдного театра военных действий, сложив руки на груди. Планшета не было — остался в московской сумке, которая, судя по всему, безвозвратно утеряна в пространственном переходе. Придется полагаться на память.

Она смотрела на этих двоих. На военного киборга Степана, для которого любая проблема решается приказом и ударом кулака. И на расслабленного мажора Саню, который прятал за вальяжностью острый ум и какую-то глубокую, тщательно скрываемую тоску.

— Хорошо, — сказала она, прерывая их перепалку. Голос прозвучал властно, и оба парня удивленно обернулись. — Маршрут экскурсии определим исходя из логистики. Сначала осмотр объекта. То есть Ядра. Затем интервью с персоналом. Начнем с младшего состава. Русалки, лешие, домовые. Вопросы буду задавать я. Ваша задача — обеспечивать доступ и переводить с эзотерического на человеческий. Время пошло.

Она развернулась и первой вышла из кабинета, чеканя шаг. Каблуки её туфель цокали по паркету, отсчитывая секунды.

Следующие сорок восемь часов обещали быть самыми продуктивными в её жизни. И, возможно, самыми короткими.

Тронный зал поразил Татьяну сочетанием несочетаемого. Мраморный пол с мозаикой, изображающей Куликовскую битву, отражал свет гигантской хрустальной люстры, сделанной из костей какого-то доисторического ящера. По периметру стояли витрины с сувенирами: «Яйцо Кощея (материал: пластик, подсветка LED)», «Шапка-невидимка (made in China, батарейка в комплект не входит)».

А в самом центре зала, на высоком постаменте, парил в метре от пола искомый объект.

Магическое Ядро представляло собой идеальный шар диаметром около двух метров. Сделано оно было не из стекла, а из чего-то, похожего на застывший янтарь невероятной плотности. Внутри шара клубился густой фиолетовый туман. Сквозь него то и дело проскакивали ветвящиеся молнии чистого белого света. Шар пульсировал. Медленно, тяжело, как больное сердце. С каждым толчком пульсации по залу проходила волна давления, от которой закладывало уши, а волосы вставали дыбом.

— Частота пульсации? — деловито спросила Татьяна, доставая из волос шпильку. — Что ты делаешь? — напряженно спросил Саня, делая шаг к ней. — Замеряю электромагнитный фон, — она согнула шпильку, сделав из нее импровизированную рамку лозоходца. — Отойдите на три метра, ваши биополя создают наводки.

Она медленно пошла вокруг шара. Шпилька в её руке мелко задрожала. Когда девушка прошла мимо северной оси шара, дрожь превратилась в агрессивную вибрацию. — Вот оно, — пробормотала Татьяна. — Локализованный пробой. Северный вектор. Что находится строго на севере острова? — Бухта Ревущих Миног, — подсказал Степан, сверяясь с планшетом охранника. — Там стационарный портал в Пекельное Царство. Закрыт указом царя Гороха. — Порталы редко закрываются герметично, — Татьяна опустила шпильку. — Нужен спектральный анализ. И данные о температуре ядра.

Она подошла вплотную к постаменту. Положила ладони на холодный янтарь. — Татьяна, не советую, — тихо сказал Саня. — Фон радиации там зашкаливает. Для обычного человека это чревато мутацией. — Мутация — это всего лишь изменение фенотипа под воздействием внешней среды, — отозвалась Татьяна, не открывая глаз. — Информация. Мне нужна информация.

Она закрыла глаза и сосредоточилась. Впервые в жизни она позволила себе не анализировать, а чувствовать. Она представила свои пальцы не кожей и мышцами, а антеннами. И шар ответил.

Это не было болью. Это было разочарованием. Глубоким, вселенским, тысячелетним чувством брошенности. Ядро скучало. Оно транслировало образы: огромные толпы людей в лаптях, падающих ниц перед дубом; детский смех; вера, чистая и мощная, как океанская волна. А затем картинка сменилась. Серая масса людей, уткнувшихся в черные зеркала смартфонов. Равнодушие. Кредиты. Страх завтрашнего дня. Ядро голодало. Оно умирало от нехватки внимания.

Но поверх этой глобальной тоски был еще один слой. Тонкий, едкий, кислый привкус. Запах дешевых духов, зависти и невыплаканных слез. Женских.

Татьяна отдернула руки, словно обжегшись. Откинула голову назад, хватая ртом воздух. — Это женщина, — выдохнула она. — Причина не в портале. Вернее, портал — следствие. Ядро разбалансировано женской обидой. Очень старой. Очень глубокой. Настолько сильной, что она физически меняет плотность эфира. — Женщина? — хмыкнул Степан. — У нас тут половина штата женского рода. От Кикиморы

до Лихо Одноглазого. Конкретизируй. — Она... высокопоставленная, — Татьяна потеряла виски. Голова гудела. — И она живет в браке, который давно умер. Но они продолжают жить вместе из-за... долга. Или детей. Или общего имущества. И эта невысказанная ненависть отравляет всё вокруг.

Саня побледнел. Перевел взгляд с Ядра на Татьяну. Потом обратно. — Мама, — прошептал он одними губами. — Царица Лебедь.

В этот момент снаружи, откуда-то со стороны моря, раздался протяжный, полный нечеловеческой тоски вой. Он перекрыл шум ветра, скрип деревьев и гул магического Ядра. Вой плакал о любви, которой никогда не было.

Татьяна вздрогнула. По позвоночнику пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой в зале. Романтическое фэнтези продолжало оставаться ересью. Но математика человеческих отношений внезапно показалась ей куда более сложной и захватывающей наукой, чем любые фьючерсы и опционы.

— Ведите меня к вашему царю, — твердо сказала она, поворачиваясь к спутникам. — Кажется, нам предстоит очень тяжелый разговор о совместном бюджете и эмоциональном выгорании.

Глава 3. Леший и китайская мудрость

Кабинет царя Гвидона находился в Западной башне терема, и это многое объясняло. Если Восточная башня пахла ладаном, строганиной и государственной важностью, то из-за двери с табличкой «Его Величество Гвидон Салтанович. Прием по личным вопросам (вопросы личного счастья — вторник, вопросы личного несчастья — пятница)» несло жасминовым чаем, дорогим парфюмом с нотами озоновой свежести и застарелой меланхолией.

Татьяна вошла без стука. Саня попытался было её придержать, положив руку на плечо, но девушка лишь раздраженно повела плечом, сбрасывая чужое прикосновение. В режиме аудитора она не терпела физических контактов, которые могли нарушить её личное пространство или, что еще хуже, отвлечь от анализа данных.

Царь сидел в позе лотоса прямо на массивном дубовом столе эпохи Ивана Грозного. Ноги, впрочем, были скрещены криво, одно колено предательски подрагивало, а лицо выражало такую вселенскую муку, словно он пытался переварить

сырую корягу. Одет был царь по-домашнему: в шелковый халат с вышитыми золотыми драконами, который явно стоил как годовой бюджет небольшого удельного княжества. На голове у него покоились беспроводные наушники-вкладыши.

— Ом мани падме хум, — монотонно бубнил Гвидон, раскачиваясь взад-вперед. — Ом мани... Тьфу ты. Акакий Петрович, вы настройки прислали? У меня третий глаз отказывается открываться, потому что левая пятка заземлена неправильно! Я чувствую холод Пустоты, но правая ноздря дышит свободнее левой, это перекос Инь и Ян!

— Батя, может, хватит уже? — осторожно спросил Саня, заходя следом. — У нас тут кризис государственного масштаба, Ядро фонит так, что лешие белки путают, а ты чакры продуваешь.

Гвидон медленно открыл глаза. Они оказались точь-в-точь как у сына — пронзительно-голубые, цвета летнего неба над морем, но сейчас в них плескалась такая густая тоска, что ею можно было заправлять чернильные ручки. Он снял наушники, и Татьяна наконец услышала, что именно слушал монарх: резкий женский голос диктовал нараспев: «...выпрямите спину, макушкой тянитесь к Небу, копчиком — к Земле. Представьте, что через вас течет поток денежной энергии Вселенной...»

— Коуч личностного роста, — пояснил Гвидон, заметив недоуменный взгляд Татьяны. — Очень сильная женщина. За триста рублей в месяц обещает мне просветление и выход из Сансары. Правда, пока только счета за коммуналку выходят космические, а Сансара всё та же. Садитесь, чего встали столбом? Чай будете? Пуэр, выдержка двенадцать лет. Бодрит лучше, чем крик петуха Бабы-Яги по утрам.

Он спрыгнул со стола одним гибким движением. Несмотря на домашний вид, чувствовалась в нем хищная грация большой кошки, запертой в золотой клетке. Царь подошел к серебряному самовару, нажал кнопку электрического автоподогрева и обернулся к гостям.

— Докладывайте, — вздохнул он, массируя виски. — Только быстро. У меня в три часа медитация на привлечение финансового потока, нужно успеть очистить карму от долгов перед казначейством Нави. — Ваше Величество, — начала Татьяна, выдвигая вперед стул и садясь ровно напротив царя, закинув ногу на ногу. Её костюм окончательно потерял товарный вид, пропитавшись магическим туманом, но осанка оставалась безупречной. — Меня зовут Татьяна. Я здесь для проведения внешнего аудита причин магического дисбаланса. Согласно моим первичным наблюдениям, проблема локализована в Северном секторе и имеет психоэмоцио-

нальную природу.

Саня встал чуть позади неё, готовый записывать. Степан остался стоять у двери, сложив руки на груди и сканируя помещение на предмет скрытых угроз. Ему явно не нравился ни запах благовоний, ни расслабленный вид монарха.

— Психоэмоциональную? — Гвидон замер с заварочным чайником в руке. Лицо его исказилось, как от внезапной зубной боли. — Опять она. Лебедушка моя ненаглядная. Что на этот раз? Тарелку об пол грохнула? Или молчит уже третьи сутки, транслируя ледяное презрение астральным телеграфом? — Она воеет, — коротко бросил Саня. — По ночам. Так, что русалки икру метать отказываются от стресса. — Это я заметил, — кивнул царь, тяжело опускаясь в кресло. — Море вокруг острова штормит вторую неделю. Рыба ушла. Купцы заморские боятся рифов. Казна пустеет. А всё почему? Потому что когда у царицы гормональный фон падает, у всего Лукоморья барометр ломается.

Он залпом выпил остывший чай прямо из носика чайника и поморщился. — Вы думаете, я не пробовал? — горько усмехнулся Гвидон, глядя куда-то сквозь Татьяну. — Я ей и цветы телепортировал прямо в купальню. И серенады пел посредством Соловья-разбойника. И даже, прости господи, совместный поход к семейному психологу организовал. Зна-

ете, кто у нас семейный психолог? Кикимора Топкая. Сидит в болоте, курит трубку, смотрит на тебя глазами, полными вековой скорби, и говорит: «Милок, да разведись ты. Делов-то. Полцарства отсудишь, дите себе забереешь». Великий специалист. Высший пилотаж когнитивно-поведенческой терапии.

Татьяна внимательно слушала, постукивая пальцем по подлокотнику. Картина складывалась классическая. Патовая ситуация токсичного брака. Два сильных лидера, запертые в одной экосистеме. Один давит авторитетом, вторая уходит в пассивную агрессию. Результат — системный сбой всей инфраструктуры. — Мне нужен доступ к ней, — сказала Татьяна. — Прямой диалог. — Исключено, — отрезал Гвидон. — Она сидит в своем Лебяжьем дворце. Ворота запечатаны рунами третьего уровня. Пропускает только тех, кто приносит извинения. А извиняться должен я. Потому что, видите ли, тридцать лет назад я забыл про годовщину нашего знакомства, увлекшись подавлением восстания водяных. Водяные давно сгнили на дне, а осадочек у нее остался! Женская логика. Сплошной дебет безумия, кредит моих нервов. — Ваше Величество, — Татьяна слегка наклонилась вперед, понижая голос до доверительного полупшепота. — Эмоциональный шантаж работает только тогда, когда жертва готова платить. Перестаньте платить. Нам нужно найти рычаг давления. Информацию. Кто знает истинное состояние дел внут-

ри дворца? Служба безопасности? Горничные? — Горничные все глухонемые, им вырвали языки при найме согласно трудовому кодексу Темного Вековечья, чтобы тайны двора не выносили, — подал голос Саня. — А начальник охраны, дядька Черномор, сам плачет ей в манишку, называет доченькой и потекает капризам. Там круговая порука.

Внезапно дверь кабинета распахнулась настежь, ударившись о стену с такой силой, что с потолка посыпалась побелка вперемешку с сухой хвоей.

На пороге стоял Леший.

Если бы Конфуций решил уйти в лесничество после тяжелого развода, он выглядел бы именно так.

Акакий Петрович — ибо это был он — сменил свой камуфляж из листьев на нечто совершенно невообразимое. На нем была просторная рубаха из небеленого льна, подпоясанная широким кушаком алого шелка. Штаны были заправлены в резиновые сапоги ядовито-оранжевого цвета. Но главным элементом гардероба была соломенная шляпа конусовидной формы, какие носят рисовые фермеры где-нибудь в провинции Сычуань. Из-под полей шляпы торчала длинная седая борода, заплетенная в косичку и перехваченная красной ленточкой.

— Когда пути неодинаковы, не составляют вместе планов, — мрачно изрек Леший, оглядывая кабинет. — Особенно если планы включают в себя этого дармоеда Черномора. Здравствуй, царь-батюшка. Здравствуй, сокол ясный Сань Цзы-гуляющий-без-цели.

Степан у двери рефлекторно дернул рукой к мечу, но вовремя одумался — махать железом на Лешего в его собственной вотчине было самоубийством класса «премиум». — Акакий, твою дивизию, ты опять мои фикусы переставлял?! — взвыл Гвидон. — Они стояли по фен-шую! Теперь денежный канал заблокирован наглухо, коучиня меня убьет неустойкой! — Твой фикус блокирует движение ци своим присутствием в принципе, — парировал Леший, проходя вглубь комнаты. Он двигался странно: плавно, перетекая с ноги на ногу, словно у него не было костей, зато было избыточное количество суставов. — Ты пытаешься насадить южную культуру на северную почву. Дерево богатства должно расти снаружи, поглощая лунный свет, а не томиться в душных палатах. Разве не учил великий Лао-Цзы: «Кто знает меру, у того не будет неудачи»? Ты меры в пластике не знаешь.

Леший остановился посреди кабинета. Принюхался. Его нос, похожий на старый сморщенный гриб, затрепетал. Взгляд агатовых бусинок-глаз скользнул по Татьяне. Оце-

нивающе. Как энтомолог оценивает редкую, но крайне ядовитую бабочку. — А это что за явление? — просипел он. — Пахнет асфальтом, цифрами и отрицанием очевидного. Плотная девочка. Много земной энергии. Корневая чакра разбухла от нереализованных амбиций. — Это наш аудитор, — поспешно вставил Саня. — Татьяна Викторовна. Реалистка высшей категории. Мы ищем причину десбаланса.

Леший обошел Татьяну кругом. При каждом шаге от его сапог по паркету расходились едва заметные зеленые ростки плесени. Кабинет начал наполняться запахом сырой земли, прелых листьев и далекой грозы. — Реализм — это самая опасная форма слепоты, — изрек Акакий, остановившись прямо перед девушкой. — Человек видит форму, но не видит сути. Видит дерево, но не видит леса. Видит женщину, которая воет, но не видит боли, которая заставляет её выть. Дай-ка руку, дитя бетона.

Татьяна инстинктивно хотела отшатнуться. От лешего исходила первобытная, древняя сила, тяжелая и влажная, как торфяное болото. Но правила вежливости и протокол встречи с ключевым свидетелем требовали контакта. Она протянула руку.

Пальцы Лешего оказались сухими, узловатыми и невероятно холодными, словно их только что достали из погребя.

Он не пожал ей руку. Он схватил её за запястье своими длинными пальцами-сучками. Татьяна ожидала холода, но вместо этого почувствовала волну жара, поднимающуюся от кисти к локтю. Под кожей забегали тысячи крошечных муравьев.

— Закрой глаза, — приказал Акакий. — И прекрати считать пульс. Это мешает слушать землю. — Я не считаю пульс, я фиксирую тахикардию, вызванную контактом с неизвестным биологическим видом, — процедила Татьяна, но глаза закрыла.

Мир исчез. Остались только ощущения. Сначала пропал шум океана. Потом исчез запах чая. Затем растворились голоса Сани и царя. Татьяна оказалась в абсолютной темноте, которая пахла перегноем. Она вдруг поняла. Поняла языком корней, структурой древесных волокон. Остров Буян был живым организмом. Огромным деревом. Магическое Ядро — это сердцевина ствола. А ссора царственной четы — это гниль, поразившая корни. Но глубже, там, куда обычный человек не заглядывает, текли другие потоки. Холодные, извилистые, похожие на змей. Реки подземной силы. И одна из этих рек, самая мощная, текущая строго с севера, была... возмущена. словно кто-то бросил в спокойную воду огромный валун.

Видение оборвалось так же резко, как началось. Леший

отпустил её руку. Татьяна пошатнулась, ухватившись за край стола. Сердце билось ровно. Никакой паники. Только звенящая ясность. — Северная река Скорби, — выдохнула она. — Она меняет русло. Ее сдерживает старая плотина. Каменная. Древняя. Она трещит по швам. — Умная девка, — довольно крикнул Леший, поглаживая бороду. — Землю слышит. Не совсем пропащая. Хочешь, научу тебя разговаривать с пнями? Хорошая карьера в ЖКХ выйдет, будешь знать, где трубы гнилые. — Плотина, — повторил Гвидон, мгновенно становясь серьезным. Старая маска ленивого философа слетела, обнажив лицо уставшего правителя. — Бел-горюч камень Алатырь. Тот самый, что мы заложили в фундамент дамбы, когда море наступало пятьсот лет назад. Он стоит на стыке миров. И питается... слезами. — Чьими конкретно? — Татьяна уже доставала из воздуха воображаемый планшет, пальцы её правой руки методично щелкали, хотя самого устройства не было. — Да ничьими! — всплеснул руками царь. — Просто легенда такая. Стоит камень, держит воду. Пока в мире есть неразделенная женская печаль высшего порядка — он крепок. Как только печаль иссякает или становится слишком грязной — камень трескается. А царица наша Лебедь... она ведь не просто злится. Она тоскует. По тому мальчику, которого спасла. По чуду. Которого нет. Есть только я. Старый, скучный, вечно виноватый муж.

Леший тем временем отошел к окну. Он раздвинул тя-

желые бархатные шторы, за которыми оказался не пейзаж, а идеально ровная стена мха. Акакий сунул руку прямо в мох по локоть, долго там шарил, бормоча проклятия на смеси старославянского и китайского диалекта провинции Гуандун, и наконец извлек наружу глиняную трубку невероятной длины.

— Проблема ваша решается двумя путями, — сказал он, утрамбовывая в трубку табак, пахнувший сушеными лягушками. — Первый путь — долгий. Идти к Лебеди. Стоять на коленях. Бить челом. Дарить бриллианты размером с голубиное яйцо. Срок исполнения — от года до вечности. Вероятность успеха — пятнадцать процентов, ибо гонор у царицы батюшке моему покойному под стать. — Пятнадцать процентов ROI — это мусорный актив, — автоматически прокомментировала Татьяна, массируя переносицу. — Нужен второй путь. — Второй путь быстрый, — Леший раскурил трубку от щелчка пальцев. Выпустил кольцо сизого дыма, которое приняло форму дракона и попыталось съесть люстру. — Нужно укрепить основание. Дамба держится на магии камня. Но камень слабеет. Значит, нужно дать ему другую подпитку. Не слезами, которых мало и они соленые. А чистой структурированной энергией. — Какой именно? — напрягся Степан. — У нас полк богатырей в запасе, можем марш-бросок организовать, пыль столбом поднимем. — Балбес, — ласково отозвался Леший, выпустив дым прямо в ли-

цо Степану. Военный расчихался, замахал руками, разгоняя едкое облако, отчего его идеальная укладка превратилась в воронье гнездо. — Ваша солдатская ярость — это хаос. Хаос камень разрушит быстрее. Нет. Нужна гармония. Равновесие. Идеальный синусоидальный сигнал.

Леший хитро прищурился, глядя на Татьяну. — Вот она, например. Ходячий генератор логики. Ни одной лишней эмоции. Сухая статистика. Если заставить её искренне поверить в чудо... нет, не то. Если заставить её структуру выдать резонанс... — Ты хочешь использовать её как конденсатор? — догадался Саня. Глаза его загорелись азартом. — Обратить её неверие в чистую энергию? Разряд! — Именно, сокол мой непутевый, — кивнул Акакий. — Скептик, столкнувшийся с невозможным вплотную, выдает колоссальный выброс пси-энергии. Это закон физики вашего мира и закон метафизики нашего. Проблема в том, что просто смотреть на Ядро ей бесполезно. Ей нужно спуститься туда, откуда идет трещина. К Северной реке. Посмотреть в глаза той причине, по которой вода хочет выйти из берегов. — Вы предлагаете отправить мою студентку-экономиста в подземелья к агрессивной водной нежити? — уточнил Гвидон. — Без спецподготовки? Акакий, у тебя листья к голове напекло под этой дурацкой шляпой. — Я предлагаю отправить туда команду, — поправил Леший. — А девочку сделать проводником. Она чувствует ток земли. Она проведет нас кратчайшим путем.

А уж отбиваться от утопленников предоставьте нашему bravому фельдфебелю.

Степан приосанился, машинально пытаясь пригладить волосы обратно, но только добавил в прическу кусочки сухой коры, сыпавшейся с бровей Лешего.

Татьяна молчала. Внутри неё шла ожесточенная борьба. Часть мозга кричала, что это чистое безумие. Спуск в пещеры, кишачие нежитью, без гидрокостюма, страховки и предварительного анализа грунта. Нарушение всех мыслимых норм охраны труда. Другая часть — холодный аналитик — уже строила модель. Риск смертности: высокий. Вероятность стабилизации Ядра при успехе: стопроцентная. Сохранение экономического суверенитета острова: критически важное. Это был плохой проект. Авантюрный. Но это был единственный проект с понятным дедлайном и измеримым результатом.

— Какова глубина залегания реки? — спросила она, отрывая глаза. Голубизна их сейчас напоминала сталь. — Состав воды? Наличие воздушных мешков? И самое главное: санкционирован ли спуск третьей степени секретности подписью ответственного за технику безопасности? Где ваш журнал инструктажа на рабочем месте?

Леший поперхнулся дымом. Гвидон закатил глаза. — Журналы она требует... — простонал царь. — Акакий Петрович, бери шефство. Ты эту ненормальную породил, ты её и в шахту води. Мне дурно от одного её вида, у меня чакра солнечного сплетения спазмируется от такого количества бюрократии в одном человеке. — Сделаем, — кивнул Леший, выбивая трубку о подоконник. Мох радостно впитывал пепел. — Собирайтесь. Выход через час. Как только солнце достигнет зенита, тени станут самыми короткими, и вход в Нижние чертоги откроется. Совет первый: сними свои деревянные туфли. Земля обидится. — Это лабутены ограниченной серии! — возмутилась Татьяна, глядя на свою обувь. — Можешь оставить их себе. Будешь хоронить в них своих тараканов в голове, — философски заметил Акакий. — А нам нужна чувствительность стопы. Пойдем голыми ногами. Для лучшей связи с матушкой-землей. И халат свой китайский снимай, царь. Надевай кольчугу. Нечего духовным просвещением заниматься, когда Отечество в опасности. Конфуций сегодня отдыхает, работаем по старинке.

Подготовка заняла сорок минут лихорадочной деятельности, больше напоминающей эвакуацию. Саня метался по коридорам, раздавая приказы страже. Оказалось, что сын царя — блестящий логистик. Он успел договориться с водяными о предоставлении непромокаемых бурдюков с воздухом, вытребовать у Бабы-Яги мазь от ревматизма для Леше-

го (тот категорически отказывался признавать свой возраст) и заказать у скатерти-самобранки высококалорийные пайки длительного хранения. Пайки выглядели как обычные березовые поленья, но на вкус оказывались сытной гречневой кашей с тушенкой.

Степан занимался экипировкой. Он приволок целую гору железа. — Татьяна Викторовна, — прогудел он, появляясь в дверях гостиной, которую временно выделили девушке. — Согласно пункту четыре дробь два Устава гарнизонной службы, лица гражданского ведомства, следующие в зону активных магических аномалий, обязаны иметь средства индивидуальной защиты. Вот.

Он бухнул на пол тяжелый сверток. Татьяна посмотрела на предложенное снаряжение. Стальной панцирь весом килограмм двадцать. Шлем с забралом, похожий на ведро. Меч, которым, судя по зазубринам, недавно пытались валить лес. — Удельный вес комплекта превышает допустимую нагрузку на мой опорно-двигательный аппарат, — отчеканила Татьяна, не поворачиваясь. Она стояла перед зеркалом и пыталась стереть влажной салфеткой пятно болотной грязи с рукава. — Кроме того, металл создаст магнитные помехи для моего взаимодействия с теллурическими токами, о которых говорил Леший. Заберите это. Принесите мне комбинезон из плотной ткани, кожаные краги по локоть и ботин-

ки с нескользящей подошвой. Размер тридцать восьмой. И рюкзак с системой вентиляции спины.

Степан смотрел на неё так, будто она предложила штурмовать крепость верхом на розовом пони. — Но... латы... защита... — промямлил военный. — Моя лучшая защита — это отсутствие теплового контраста и низкий уровень шума, — отрезала она. — Плюс скорость реакции. В этом гробу я буду двигаться со скоростью улитки. Улитки без шансов на выживание. Бегом, старший лейтенант. Время пошло.

Ошеломленный Степан вылетел из комнаты, снеся по дороге рыцарский доспех, стоявший в прихожей.

Через десять минут требуемый комплект лежал на кровати. Простой, удобный, темно-серый. Одеваясь, Татьяна впервые подумала, что сказочный мир, возможно, начинает подстраиваться под её стандарты адекватности. Это было тревожным симптомом.

Когда она вышла во двор, команда была в сборе. Леший переоделся в практичный охотничий костюм из кожи, оставив только соломенную шляпу — видимо, как талисман. В руках у него теперь был не посох, а современный туристический топор с титановым лезвием, который он любовно протирал тряпочкой. Степан смирился с реальностью и тоже

сменил латы на облегченный тактический костюм черного цвета. Он проверял тетиву огромного лука, сделанного из цельного рога какого-то чудовища. Рядом с ним переминался с ноги на ногу здоровенный кот Ученый. Василий сбросил пенсне, надел на нос солнцезащитные очки-авиаторы и теперь выглядел как байкер на пенсии. Саня стоял, опершись на перила крыльца. Увидев Татьяну, он выпрямился. На нем была легкая кожаная броня, почти не стесняющая движений. Волосы собраны в высокий хвост на затылке. В ножнах на поясе висел не меч, а изящная сабля. Он улыбнулся ей — открыто, обезоруживающе. — Готова? — спросил он тихо, подходя ближе. — Там внизу сыро. И грустно. Держись рядом со мной. — Я держусь рядом с планом действий, — ответила Татьяна, застегивая ремешки на высоких берцах. — План надежнее людей. Люди склонны к эмоциональным решениям. — Например, влюбляться в сыновей царей? — поддел он. — Это не эмоция, это статистическая аномалия, — она прошла мимо него к воротам, чеканя шаг. — И объект аномалии сейчас собирается вести группу неподготовленных лиц в геологически нестабильную зону. Следуйте за мной. И постарайтесь не шуметь. Лес этого не любит.

Леший громко расхохотался, хлопая себя по коленям. Смех его звучал как скрип старой сосны на ветру. — Ай да девка! — прохрипел Акакий, затягивая пояс. — Люблю таких. Наглых, умных и мертвых внутри. С ними работать при-

ятно, никаких соплей. Василий, музыку выключа́й, идем созерцать бездну!

Кот-Василий нехотя ткнул лапой в пульт. Романсы сменились звуками природы — шумом дождя и уханьем совы. Группа двинулась прочь от теплого, сияющего огнями терема в сторону Заповедного бора, где деревья росли так плотно, что солнечный свет никогда не касался земли.

Чем дальше они уходили от цивилизации, тем сильнее менялся Леший. Его движения становились более плавными, бесшумными. Соломенная шляпа каким-то мистическим образом сливалась с кронами деревьев, делая его практически невидимым в сумерках подлеска. Он шел впереди, время от времени наклоняясь и трогая мох. — Левее, — командовал он. — Здесь корень-шептун спит, не разбудите. Правее, тут волчья яма, дно мягкое, сразу засосет по пояс.

Татьяна шла второй. Она отключила внутренний монолог страха и включила режим картографирования. Она запоминала повороты, плотность зарослей, уклон почвы. Она понимала, что обратной дороги придется искать самой — Леший плел маршрут интуитивно, ведомый одному ему известными приметами.

Саня шел рядом с ней, плечом к плечу. Иногда их руки со-

прикасались в узких проходах между папоротниками. Каждый раз Татьяна делала глубокий вдох, выравнивая сердцебиение. Это мешало анализу. Это вообще всё портило. Тепло его тела, запах хвои и чего-то пряного, мужского, сводили на нет всю многолетнюю тренировку по возведению стен между собой и миром. — Почему ты пошел? — внезапно спросила она, перепрыгивая через поваленное дерево. — Ты принц. Наследник. Тебе положено сидеть в библиотеке и изучать торговые соглашения с островом Буяном-младшим. Зачем тебе лезть в сырые пещеры?

Саня помолчал, помогая ей перебраться через толстый корень. Его ладонь задержалась на её талии чуть дольше необходимого. — Степан пойдет ради карьеры, — ответил он наконец. Голос его стал серьезным, потеряв привычную легкость. — Леший пойдет ради развлечения и любви к природе. Кот — пожрать приключений. А я... Знаешь, Татьяна, очень трудно быть сыном двух великих существ, которые тебя любят, но ненавидят друг друга. Мама дала мне магию, умение понимать язык птиц и ветра. Отец дал мне кровь, право на трон и понимание долга. А любить дали оба. И теперь эта любовь рвет меня пополам.

Он остановился и посмотрел ей прямо в глаза. Сумерки в лесу были синими, глубокими, и в этой синеве его глаза казались бездонными. — Я смотрю на тебя и вижу человека,

который построил стены выше Великой Китайской. Но ты пришла сюда. Ради дела, ради плана, ради цифр — неважно. Ты действуешь. А я устал ждать. Устал быть мостом между враждующими берегами. Хочу хоть раз пойти туда, куда ведет сердце, а не политический расчет. Даже если это сердце ведет меня в сырую могилу вслед за реалисткой в трекинговых ботинках.

Татьяна открыла рот, чтобы выдать стандартную отповедь про гормоны и эндорфины, разрушающие префронтальную кору головного мозга. Но слова застряли в горле. Вместо этого она просто кивнула. — Хорошо, — сказала она. — Но запомни: если ты попытаешься героически закрыть меня грудью от какой-нибудь слизи, я лично пересчитаю твои ребра калькулятором. Мы здесь для сбора данных. Героизм плохо отражается на балансе предприятия.

Саня тихо рассмеялся. Впервые за весь день искренне. — Договорились, главбух.

Впереди призывно ухнул филин. Леший поднял руку, останавливая отряд. Впереди, в густой тьме, зажглись две пары красных огоньков. Не звериных. Слишком высоко от земли. И слишком разумных. — Пришли, — прошептал Акакий, вытаскивая топор. — Вход в Кривые Пещеры. Дальше света не будет. Дальше будет только память камней и тече-

ние реки. Держитесь тропы. И бога ради, реалистка, перестань считать шаги. Начни их чувствовать. Иначе камни решат, что ты мертвая, и похоронят тебя заживо. Экономно получится, конечно, памятник ставить не надо, но миссия провалится.

Татьяна глубоко вдохнула прохладный, пахнувший озоном и древностью воздух. Выдохнула. Закрыла глаза на секунду, прощаясь с остатками московского снобизма. Затем она открыла их и сделала шаг в темноту, крепко сжимая в кармане бесполезный смартфон, экран которого показывал «Нет сети». Последнее напоминание о мире, где всё имело объяснение.

Здесь объяснения закончились. Начиналась чистая физика сказки.

Глава 4. Русалка-блогер

Вход в Кривые Пещеры оказался не гротом с водопадом, как любили изображать на лубочных картинках, а банальной канализационной решеткой. Точнее, выглядела она как кованая решетка старинной работы, украшенная завитушками и русалками, но функционально это была именно ливневка Северного сектора Лукоморья. Оттуда тянуло сыростью, тинной и запахом застоявшейся воды.

— Санэпидемстанция бы закрыла этот объект навсегда, — брезгливо поморщилась Татьяна, заглядывая в черную дыру под ногами. Вода внизу лениво плескалась о каменные ступени, уходящие во мрак. — Уровень бактериального загрязнения превышает норму в четыре тысячи раз. Там наверняка легионелла цветет буйным цветом. — Это не легионелла, деточка, это слезы неразделенной любви утопленников, — меланхолично поправил её Леший Акакий Петрович. Он сидел на корточках у края, свесив ноги в соломенных сандалиях над бездной, и пытался прикурить свою трубку от светлячка. Светлячок возмущенно мигал и уворачивался. — Разница невелика, конечно, пахнет одинаково кисло, но юридически это разные субстанции. По слезам отчетность другая.

Степан подошел к краю, посветил вниз мощным водонепроницаемым фонарем, который выдал ему дядька Черномор из своих личных запасов. Луч света вяз в темноте, выхватывая лишь зеленоватые пряди водорослей. — Глубина по шахте — метров пятнадцать, — доложил военный, профессионально оценивая обстановку. — Дальше идет горизонтальный штрек. Ширина два метра. Своды укреплены бревнами. Древесина гниет. Риск обрушения тридцать процентов при малейшей вибрации. Предлагаю использовать альпинистское снаряжение. — Какое еще снаряжение? — возмутился кот Василий, выглядывая из-за голенища сапога Степана. — Я туда не полезу. У меня шерсть намокнет, я буду выглядеть как мокрая курица. Это удар по моему имиджу! Мне через неделю стрим вести, «Разбор сказаний: почему Кощей импотент», мне нужны просмотры, а не пневмония! — Ты сухопутный, тебе можно, — фыркнул Степан. — А вот Его Высочество Александр Гвидонович... — Саня плавает лучше любой рыбы, — отрезала Татьяна, прерывая начинающийся спор. Она уже приняла решение. Логистика спуска без спецсредств занимала слишком много времени, а таймер магического дисбаланса тикал. — Вода проводит звук быстрее воздуха. Если там кто-то есть, мы узнаем об этом сразу. Спускаемся цепочкой. Я первая. За мной Саня. Затем ты, охранник. Кот остается наверху, обеспечивает связь.

Она начала спускаться по скользким ступеням, даже не обернувшись. Её трекинговые ботинки, которые казались такими неуместными в волшебном мире, сейчас оказались идеальным выбором — подошва из каучука намертво липла к влажному известняку.

Саня последовал за ней молниеносно. В отличие от Татьяны, он двигался абсолютно бесшумно, словно перетекая из одного положения в другое. Когда девушка оступилась на особенно скользком участке, его руки сомкнулись на её талии раньше, чем она успела испугаться. Он легко приподнял её, переставил на сухой камень и отпустил так же быстро. — Спасибо, — сухо бросила Татьяна, мысленно проклиная свои гормоны. Сердце пропустило удар. Налицо нарушение сердечного ритма. Нужно сдать анализ на тиреоидные гормоны после возвращения. — Всегда пожалуйста, главбух, — шепнул он ей почти на ухо. От его дыхания волосы на затылке шевельнулись.

Вода встретила их ледяным объятием. Ступени закончились внезапно, перейдя в глубокий омут. Татьяна умела плавать, но одно дело — бассейн фитнес-клуба с температурой двадцать шесть градусов, и совсем другое — темная бездна подземного озера. Холод пробрал до костей мгновенно. Костюм промок насквозь, став невыносимо тяжелым. Дыхание перехватило.

Рядом всплыл Саня. Он не дышал. То есть вообще. Он просто висел в воде, раскинув руки, и смотрел на неё своими невозможными голубыми глазами. Капли воды стекали по его лицу, застревая в ресницах. — Расслабься, — сказал он беззвучно, одними губами. — Задержи дыхание. Доверься течению.

Он взял её за руку. Его ладонь была горячее, несмотря на ледяную воду. И эта жара начала передаваться Татьяне. Не физически — вода вокруг них оставалась такой же холодной, — а изнутри. Словно внутри принца включился маленький ядерный реактор. Страх задохнуться отступил. Легкие перестали требовать выдоха. Мир сузился до синих глаз напротив и пузырьков воздуха, поднимающихся вверх, к далекому люку.

Они плыли сквозь абсолютную темноту. Единственным источником света был небольшой шарик холодного пламени, который сорвался с пальцев Сани и теперь освещал путь на пару метров вперед. Каменные стены туннеля были покрыты фосфоресцирующим мхом, который отзывался на движение воды тусклым сиянием.

Спустя вечность — или пять минут, внутренние часы Татьяны сбились — они выплыли в огромный грот. И первое,

что увидела Татьяна, заставило её забыть о холоде, смерти и магическом дисбалансе.

Прямо перед ними, метрах в трех, зависла в толще воды фигура. Женская. Абсолютно нагая, если не считать странного серебристого устройства, закрепленного на плоской палке, которую существо держало вытянутой рукой. Лицо существа было нечеловечески красивым: огромные глаза цвета бутылочного стекла, бледная кожа, струящиеся зеленые волосы... Но самым шокирующим был селфи-палка. Самая настоящая, металлическая, явно купленная на каком-то китайском маркетплейсе.

Существо медленно повернулось к ним. Заметив гостей, оно испуганно взвизгнуло (звук получился глухим, булькающим), дернулось и выронило аппаратуру. Селфи-палка со звоном ударилась о камни на дне. — Вай-фай упал! — истерично проорало существо, забыв, что находится под водой. — Опять роутер Переплетыч спит! Третий дубль насмарку! Трендовую озвучку наложить не успеваю!

Это была русалка. Классическая, хрестоматийная, та самая, что должна сидеть на ветвях и расчесывать косы. Только вместо гребня у нее в другой руке был смартфон последней модели в ярко-розовом чехле с блестками. Экран смартфона бешено мигал красным значком загрузки.

Русалка заметила наконец, что гости не являются частью подводного пейзажа. Она резко сменила тон с капризного на профессиональный-улыбчивый. Губы сложились бантиком, голова кокетливо наклонилась набок. Она грациозно перевернулась в воде, демонстрируя идеальный рыбий хвост, покрытый переливающейся чешуей цвета индиго.

«Приветики, мои чешуйчатые подписчики и жабросли!» — появилась надпись на экране смартфона, который русалка тут же выставила перед собой. Голос её звучал прямо в головах Татьяны и Сани, минуя уши. Телепатия. Удобно. «Ой, простите за бардак, у меня тут внеплановая коллаборация! Вы на канале "Глубоководный ХАЙП", с вами ваша несравненная Наина фон Бездна! Ставьте лайки, колокольчики жмите, алгоритмы душат!»

Наина сделала кульбит в воде, подплыв ближе. Теперь Татьяна могла рассмотреть детали. Чешуя покрывала только хвост, переходя на человеческую часть тела изумительной красоты татуировкой-опояской. На шее русалки болталось ожерелье из ракушек, среди которых затесался золотой кулон в виде логотипа известной социальной сети. На запястье мерцал водонепроницаемый фитнес-браслет.

— Эм... здравствуйте, — откашлялась Татьяна. Говорить

под водой было странно, слова формировались сами собой где-то в районе гортани. — Мы представители администрации острова. Проводим аудит инфраструктуры. Кто ответственный за узел связи в данном секторе?

Русалка моргнула длинными ресницами. Надпись на смартфоне сменилась: «Аудит? Налоговая?! Ой, мамочки, я же декларацию о выловленных принцах за квартал не подавала! Меня посадят в аквариум к пираньям!» — Спокойнее, гражданка, — строго вмешался Саня, выплывая чуть вперед, заслоня собой Татьяну. От него снова пошло тепло, разгоняющее озноб. — Это внутренний аудит. Проверяем стабильность Ядра. Почему уровень вибраций растет?

Наина моментально забыла про налоги. Её огромные глаза наполнились вселенской скорбью. Она драматично прижала руку ко лбу (ладонь идеально попала на фронтальную камеру). «Мальчик мой, какое Ядро, когда у меня ER падает третий день подряд?» — простонала она ментально. «Я придумала гениальный контент! Серия роликов "Утопленник недели". Накрасилась, надела лучшее белье из перламутра, лежу такая томная на скале... А комментов ноль! Потому что интернет скачет. То 3G поймает, то вовсе в Edge проваливается. А всё потому, что батя мой, Водяной, экономит на оптоволокне. Говорит, кабелю триста лет, пусть еще повисит. Да он рассыпается в труху! У меня сториз грузятся

дольше, чем царевна Несмеяна плачет!»

Татьяна слушала этот поток профессионального блогерского нытья, и брови её ползли всё выше и выше. Где-то на уровне переносицы произошел микровзрыв когнитивного диссонанса. Она посмотрела на Саню. Тот едва заметно пожал плечами, улыбаясь уголком губ. Мол, добро пожаловать в реальный мир сказки.

— Так, стоп, — Татьяна подняла руку, хотя жест был бесполезен под водой. — Давайте структурируем проблему. Ваше имя Наина? Русалка энергично закивала, отчего ее волосы красиво поплыли в толще воды. «Да-да! Канал зарегистрирован на ИП "Н.Б."», — высветилось на экране. «Упрощенка, шесть процентов от донатов». — Проблема номер один: деградация магистрального кабеля связи. Причина — естественный износ полимерной оболочки. Срок службы превышен в десять раз, — Татьяна начала загибать пальцы, входя в привычный режим брифинга. — Решение: замена участка магистрали силами вашего отца. Бюджетирование — нулевое, списание материалов со склада Управления делами. Проблема номер два: низкая вовлеченность аудитории. Назовите вашу целевую аудиторию. Демография, интересы, боли.

Наина смотрела на неё так, будто Татьяна только что пре-

вратилась в говорящего осьминога и предложила сыграть в покер. «Какая демография? Мои зрители — это одинокие рыцари, скучающие ведьмы и те парни из отряда Черномора, которые ставят огненный смайлик под каждым моим видео в купальнике!» — Понятно, — кивнула Татьяна. — Мужская аудитория восемнадцать плюс. Контент провокационный, но низкое качество продакшена убивает конверсию. Вам нужен SMM-стратег. Копирайтер для шапки профиля. И нормальный монтаж звука. Этот ваш эффект «подводного радио» устарел три года назад.

Саня тихо прыснул в кулак, стараясь делать это незаметно. Получилось плохо — изо рта вырвалось облачко серебряных пузырьков.

— Тихо, — шикнула на него Татьяна, не отрывая взгляда от русалки. — Итак, Наина. Я могу решить ваши проблемы с продвижением. Взамен вы проводите нас к Северной реке Скорби кратчайшим путем. И организуете встречу с вашим отцом. Нам нужно разрешение на осмотр узла связи.

Глаза русалки загорелись фанатичным огнем. Она схватила свой смартфон, нажала кнопку записи. Красный огонек загорелся. «Вы смотрите эксклюзив! Прямо сейчас происходит самое важное интервью моей жизни! Ко мне приплыли РЕАЛЬНЫЕ люди из Верхнего мира!» — затараторила она в

камеру, позируя рядом с лицом Татьяны. — «Девушка-аудитор, которая спасет мой канал от теневого бана! Подписываемся, иначе вас съест Ктулху!»

Татьяна стоически терпела, пока объектив телефона находился в десяти сантиметрах от её носа. Ради дела приходилось жертвовать личным пространством. — Договорились? — спросила она, когда русалка закончила снимать тизер. «Офигеть, да! Конечно! Плывите за мной, я знаю короткий тоннель мимо логова бабкиного кота Баюна, он вечно ворует мой трафик своим мурчанием!»

Наина развернулась, махнув хвостом, создав мощное течение, которое чуть не впечатало Татьяну в стену. Девушка заработала руками и ногами, выравнивая положение. Саня тут же оказался рядом, поддерживая её под локоть. — Держись за меня, — предложил он. — Тут воронка. — Я сама справлюсь, — огрызнулась Татьяна, но руку не убрала. Справляться самой в условиях нулевой плавучести было энергозатратно, а процессор в голове требовал энергии для решения более глобальных задач.

Они двинулись вслед за русалкой. Та неслась сквозь темные галереи с грацией торпеды. Ее хвост работал как мощный винт катера. Татьяна и Саня старались не отставать, Степан плыл замыкающим, периодически подсвечивая тьму фо-

нарем и проверяя целостность сводов.

Кот Василий остался наверху. Судя по тому, как удалялся его голос, он уже нашел применение ситуации: «Алло, студия? Запускайте прямой эфир! Экстренные новости! Группа захвата провалилась в коллектор! Оператор погиб! Я веду репортаж с места трагедии, спонсор выпуска — валерьянка "Мур-р-релакс"! Переходите по ссылке в описании!»

Путь занял около двадцати минут. Наина привела их в систему естественных пещер, где воздух смешивался с водой, образуя причудливые воздушные карманы. Здесь можно было дышать нормально, хоть воздух и отдавал сероводородом.

Русалка вынырнула в одном из таких карманов — небольшом гроте с песчаным берегом. Следом выбрались Татьяна, Саня и промокший до нитки, злой как черт Степан. Вода лилась с него ручьями, собираясь в лужи вокруг берцев.

— Фух, — Наина выползла на песок, встряхнулась, как собака. Мокрые волосы окатили всех веером брызг. — Ну и видок у вас. Как будто Бегемота нашего стадо топтало. Особенно у этого, квадратного. Она ткнула пальцем в Степана. — Попрошу обращаться согласно уставу, гражданское лицо, — процедил тот, выкручивая берет. — Старший лейтенант вооруженных сил. — Ой, какой грозный, — закатила глаза

Наина. — Небось, тоже на канал подпишется, чтобы мотивашки смотреть? Ладно, аудитор, показывай, что ты там понимаешь в моих охватах.

Татьяна села на камень, достала из внутреннего кармана рюкзака портативный внешний аккумулятор. Чудо техники работало даже здесь, видимо, магия острова имела ту же природу, что и электричество. Она протянула пауэрбанк русалке. — Заряжайся. Потом отдашь телефон. Будем работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.